

Обзор книги Каролы Ленэке «Сексуальные преступления и симбиотические отношения: научное психоаналитическое исследование»

Лемешко Константин Александрович

[об авторе](#)

На нескольких конференциях я докладывал результаты наблюдений за так называемыми симбиотическими диадами — очень своеобразной группой взрослых пациентов, неразлучных со своим родителем. Сталкиваясь с одним подобным пациентом в клинике психозов, поначалу удивляешься, с интересом изучаешь детали, пытаешься как-то повлиять на наблюдаемое бесчинство. Но когда количество таких наблюдений переваливает за два десятка, то сомнений не остается — это не случайность, а закономерное следствие особых внутриспсихических процессов. И возникает естественное желание проанализировать зарубежную литературу. Ведь наверняка уже исследовано и описано, каким образом, например, возникает противостественная сверхзависимость взрослого мужчины от своей старушки-матери.

К моему удивлению обзор англоязычных публикаций, несмотря на распространённость прилагательного «симбиотический», не дал каких-либо серьёзных плодов. О «симбиотичности» много рассуждают как о гипотетическом внутриспсихическом качестве, но не как о способе межличностных отношений. Уже отчаявшись найти ответы, я увидел книгу с интересным

ЦИТАТА: «Решающее значение имеет то, удалось ли ребёнку избавиться от полиморфно-перверсной тенденции, с которой он родился, на эдипальной стадии либидинального влечения. Этому может помешать ярко выраженная симбиотическая связь с матерью и явная некомпетентность отца. Подобный опыт имеет непосредственное отношение к сексуальным преступникам...»

названием на нидерландском языке: «De rol van moeder-zoon symbiose in perversie en zedendelinquentie». Вот это заголовок! «Роль симбиоза мать-сын при перверсии и сексуальных преступлениях». А ещё через несколько дней меня ошеломил быстрый ответ на мое письмо автора, некой Каролы Ленэке. Уже спустя пару недель мы сидели в небольшом ресторане в Утрехте, обсуждая подробности психогенеза гендерных ролей, психотических симптомов, судебную психиатрию и многое другое.

Как ни странно, но для написания «Трёх очерков по теории сексуальности» З.Фрейд обратился к наблюдениям судебных психиатров, и в первую очередь Рихарда фон Крафт-Эбинга. Его подробные описания очень хорошо иллюстрировали те механизмы, которые вскрыл Фрейд у своих пациентов, доверивших ему свои истории, сновидения и фантазии. Но как ни странно, именно судебная психиатрия сильнее всего отвергает психоаналитические концепции, за редким исключением в лице Дж.Р. Меллоя, М. Стоуна, Э. Уэллдон, Б. Кара и ещё небольшого количества энтузиастов. Поэтому познакомиться с особенностями психоаналитической судебной психиатрии в Нидерландах было вдвойне интересно.

Карола Ленэке в 1995 году возглавила психотерапевтическую группу в нидерландской клинике Олденкотте. Особенность этого стационара в том, что в нём проходят принудительное лечение люди, совершившие преступление и признанные невменяемыми в связи с психическими расстройствами. К этому времени Карола уже была членом Международной психоаналитической ассоциации (IPA) с опытом аналитической работы в государственном здравоохранении.

Конечно же, судебная психиатрия Нидерландов отличается от российской. Но существование принудительного психоанализа для лиц, признанных невменяемыми, стало для меня открытием. Да, нужны дополнительные оговорки. Прежде чем порекомендовать принудительное психотерапевтическое лечение, с подэкспертным будет работать комиссия. Как правило, не ранее чем через 2–3 года принудительного лечения. Комиссия внимательно анализирует обстоятельства, анамнез, заключение патопсихолога, результаты достигнутого медикаментозного лечения. То есть, происходит взвешенная оценка, а нужно ли психотерапевтическое лечение вообще? Потом комиссия представляет

свои выводы суду, который и выносит окончательное решение.

В результате нашего знакомства д-р Ленэке в марте 2020 г. приехала в Москву, где провела открытую лекцию и два семинара. Публикация книги «Сексуальные преступления и симбиотические отношения: научное психоаналитическое исследование» является продолжением нашего долгосрочного сотрудничества. В ней обобщён опыт судебно-психиатрической экспертизы лиц, совершивших сексуальные преступления. В книге также рассматривается патология сексуального влечения с психодинамической точки зрения, учитывающей не только особенности раннего взаимодействия с семейным окружением, но и роль других аспектов социализации индивида.

Само по себе примечательно то, что нидерландский психоаналитик пользуется термином «перверсия». Ведь Нидерланды с обывательской точки зрения можно назвать эталоном терпимости к любым проявлениям индивидуальности: чего стоит только легализация конопли или проституции? Последняя с 1988 года официально является профессией, ей посвящены различные конференции, часто претендующие на статус научных. Как может в столь прогрессивном государстве сохраниться столь нагруженным моральным осуждением термин? Да ещё и в столь своеобразной отрасли, как судебная психиатрия?

Ответ нетривиален, поскольку требует сохранения нейтральности в бурях социальных возмущений по поводу поправок прав представителей различного рода меньшинств. Эмоциональный резонанс всегда препятствует рассмотрению происхождения того или иного явления. Вдумчивый же анализ, основы которого были заложены ещё З. Фрейдом в начале прошлого столетия, позволяет Кароле Ленэке считать, что перверсия и парафилия (более медицинский термин) — не взаимозаменяемые синонимы.

«Мы должны быть осторожны, пишет она, чтобы не путать наши гражданские права с критериями психического здоровья. Критерии психического здоровья

не должны быть адаптированы к современной моде или изменяться под влиянием текущих событий. То, что «совершеннолетние лица» имеют полное (юридическое) право в частном порядке вступать в определённые сексуальные отношения, не означает, что такие действия не сопровождаются патологическими симптомами. <...> В 1965-1975 годах наступил переломный момент в проявлении и принятии сексуального опыта. Сексуальному опыту предстояло стать легкодоступным, бесплатным и публичным, и в настоящее время «секс-игры» не только вышли из темноты, но и оказались помещены в центр внимания. Секс и порнография встречаются повсюду, их можно непосредственно созерцать в Интернете и на телевидении. По щелчку пульта дистанционного управления мы можем наблюдать, как секс и секс-партнёры объективируются индустрией развлечений для большой анонимной аудитории. Тот факт, что в рамках одного поколения мы перешли от одной крайности к другой, показывает, что мы не имеем чёткого контроля над положением секса в нашем обществе. Мы живём в обществе, где всё можно купить, и секс стал одним из многих потребительских товаров. Конечно, порнография, промискуитет, проституция и другие формы не относятся к исключительным явлениям нашего времени. Новинкой является широко распространённый доступ к ним, привычка рассматривать секс как (очередной) пригодный к употреблению продукт с отношением «можно всё»... Согласно Фрейдю, мы склонны демонстрировать поведение, не поддающееся нашему контролю, а потому нам недоступное. Наше преувеличенное проявление секса и озабоченности им указывают на то, что мы не обрели действительной интимности в сексуальных отношениях, не сумели достаточно интегрировать их в наше индивидуальное и социальное существование. Это описание применимо к людям с перверсией. <...> Человек, страдающий перверсией, интегрировал сексуальное напряжение в часть своего существа, в свою личностную структуру. Это не просто неудобная жалоба или симптом, который появляется время от времени. Перверсия — это неотъемлемая часть

ЦИТАТА: «Человек, страдающий перверсией, интегрировал сексуальное напряжение в часть своего существа, в свою личностную структуру. Это не просто неудобная жалоба или симптом, который появляется время от времени. Перверсия — это неотъемлемая часть личности (личностного расстройства), которая всегда присутствует и играет определяющую роль на различных уровнях функционирования»

личности (личностного расстройства), которая всегда присутствует и играет определяющую роль на различных уровнях функционирования. Тяжесть нарушения перверсного характера играет более значимую роль в неконтролируемом выражении сексуальных желаний, чем парафильное (изолированный симптом) поведение как таковое. С психоаналитической точки зрения термин «парафилия» является недостаточным. Перверсия означает наличие проблемы переживания интенсивного сексуального удовольствия, испытываемого в процессе девальвации, победы и причинения боли другому. То есть сексуальное удовлетворение достигается, когда партнёр эксплуатируется или используется посредством применения силы, агрессии и манипулирования. Часто речь идёт о садомазохизме или открытой ненависти. Эти аспекты можно проследить до индивидуальных пожеланий и принципов, как и в случае невротических симптомов. Приобретение любви партнёра не имеет первостепенного значения: суть перверсии заключается в дегуманизации партнёра. Как будет видно на примере клинических случаев, партнёр превращается в объект в рамках обязательного сексуализированного жестокого сценария. В большинстве

случаев формирование перверсии берёт своё начало в раннем детстве, на доэдипальной и эдипальной стадиях развития».

Другая особенность состоит в том, что д-р Ленэке успешно интегрирует в одну картину теоретические воззрения разных моделей, что впрочем, продиктовано не стремлением к эклектизму, а сложностью самого поведения сексуальных преступников.

«Психоаналитическая теория предлагает подходящие отправные точки для объяснения перверсных процессов развития. Модель либидо чётко обрисовывает стадии развития ребёнка вплоть до достижения им половой зрелости. Модель Эго описывает организацию психической деятельности как «коалицию» различных компонентов, которые постоянно взаимодействуют друг с другом. Модель объектных отношений показывает важность связи с лицами, осуществляющими первичный уход, для внутреннего формирования и утверждения психологического образа самости. Модель психологии самости иллюстрирует развитие чувства самости через нарциссизм. Эти отправные точки подчеркивают важность требуемых и усвоенных поведенческих паттернов и объектных предпочтений

при формировании сексуально девиантного поведения. Решающее значение имеет то, удалось ли ребёнку избавиться от полиморфно-перверсной тенденции, с которой он родился, на эдипальной стадии либидинального влечения. Этому может помешать ярко выраженная симбиотическая связь с матерью и явная некомпетентность отца. Подобный опыт имеет непосредственное отношение к сексуальным преступникам, заставляя их усваивать в детстве образ Собственного Я, который может стать причиной тяжёлой патологии на более позднем этапе жизни».

Материал книги разделён на семь частей. В первых двух главах даётся введение в проблематику и методологию. В третьей и четвёртой главе, опираясь на различные психодинамические модели и свой опыт эксперта, автор исследует специфику становления типа привязанности, механизмов психической защиты, личностной структуры и их влияние на искажение когнитивных механизмов и сознания, характерных для сексуальных правонарушителей. Используемые термины согласованы в переводе и комментариях с традиционными для отечественной судебной психиатрии. Приводятся сноски и пояснения по поводу некоторых разногласий в терминологии, ссылки на переводные издания и отечественные монографии. Постулируемые механизмы трансформации в противоправное поведение иллюстрируются случаями из практики.

«Важность первичных объектных отношений для становления молодого мужчины хорошо прослеживается на примере истории Джона. Сейчас ему 40 лет, и он описывает свою мать как активную, эмоциональную, доминирующую женщину, ключевую фигуру в семье. Она эгоцентрична и постоянно уверяет сына, что он её любимчик. Семья же состоит из матери, отца и ещё 7 детей: шести братьев и сестры. Мать требовала от Джона полной отдачи. По её словам, она была вынуждена это делать, потому что дважды спасла сына жизнь. Впервые это произошло почти сразу после рождения, когда он лежал в кювезе с нарушениями дыхания. Мать заметила,

что с медицинским оборудованием возникли какие-то неполадки. Благодаря её бдительности поломку починили, и ребёнок быстро пошёл на поправку. Второй раз это случилось, когда Джону было 4 года, он попал в аварию, и ему наложили гипс на ногу. В небольшую ранку попала инфекция, и был велик риск развития гангрены. Мать вовремя это заметила, и благодаря её вмешательству удалось своевременно принять меры. С завидной периодичностью она напоминала Джону, как он должен быть благодарен матери за её заботу и самоотверженность. Джону нравилось быть рядом с ней. Он не любил школу и старался проводить дома как можно больше времени. Но когда он оставался там, то должен был существовать ради матери. Отношения Джона с ней отягощались своего рода бартерными обязательствами. Сама мысль о том, что он находится рядом с матерью только ради неё, вызывала в нём беспомощность и ярость. Он никогда не сможет высвободиться из этих отношений. На протяжении всей жизни все прочие отношения оставались такими же бартерными. Симбиотические, извращённые отношения с матерью стали основой жестокой драмы, которая позже разыгралась в его жизни.

Отец Джона почти не поддерживал его, питая презрение к своему несколько феминному сыну, избегал его и больше заботился о братьях Джона. В 13 лет Джон впервые заработал деньги проституцией. Его партнёром стал 34-летний мужчина, заплативший ему. «Моё призвание — удовлетворять других людей. Я знаю это из своих отношений с матерью», — так говорит сам Джон. За этим эпизодом последовали другие гомосексуальные контакты, которые были всё более жестокими и садомазохистскими. Все партнёры Джона были существенно старше него, потому что, по его словам, он искал в них стабильность и спокойствие. Ему был необходим хороший отец, способный защитить и освободить от симбиоза с матерью. Но как бы ни старался Джон добиться иного, он всегда выступал в роли подчинённого раба, катамита — мальчика, состоящего в гомосексуальной связи со взрослым мужчиной. Со временем в нём стали крепнуть разочарование

и злость. После бесчисленного количества садомазохистских игр ярость Джона прорвалась наружу. «Внезапно я почувствовал ярость из-за всей своей жизни, всех этих обменов и эксплуатации». В тот момент он схватил нож и ударил своего партнёра 26 раз. Когда он, наконец, остановился, то почувствовал ясность и облегчение. Джон говорит, что это чувство, что ему постоянно надо быть при ком-то, родилось из его отношений с матерью. «Я живу ради удовольствия других. Это сводит меня с ума. Я жажду мести, вся моя жизнь была наполнена чувством возмездия».

Достоинством книги является представление результатов сравнительного анализа различных групп испытуемых, представленных в виде таблиц и диаграмм. Автор показывает уместность использования психоаналитической методологии в судебно-психиатрической экспертизе, приводя пример экспертного заключения испытуемого, который обвиняется в педофилии. В этом заключении подробно анализируются поведение испытуемого во время обследования, результаты психометрических тестов, сценарий преступлений и возможные механизмы развития противоправного поведения.

Ленэке Карола
(К. М. Lehnecke)

Ph. D., судебный эксперт, патопсихолог, член IPA, тренинг-аналитик Утрехтского психоаналитического общества (Нидерланды), руководитель психотерапевтической группы судебно-психиатрической клиники Олденкотте, консультант клинического центра Гелдерсе Роос. Более 30 лет посвятила психоаналитической терапии лиц, совершивших сексуальные преступления.